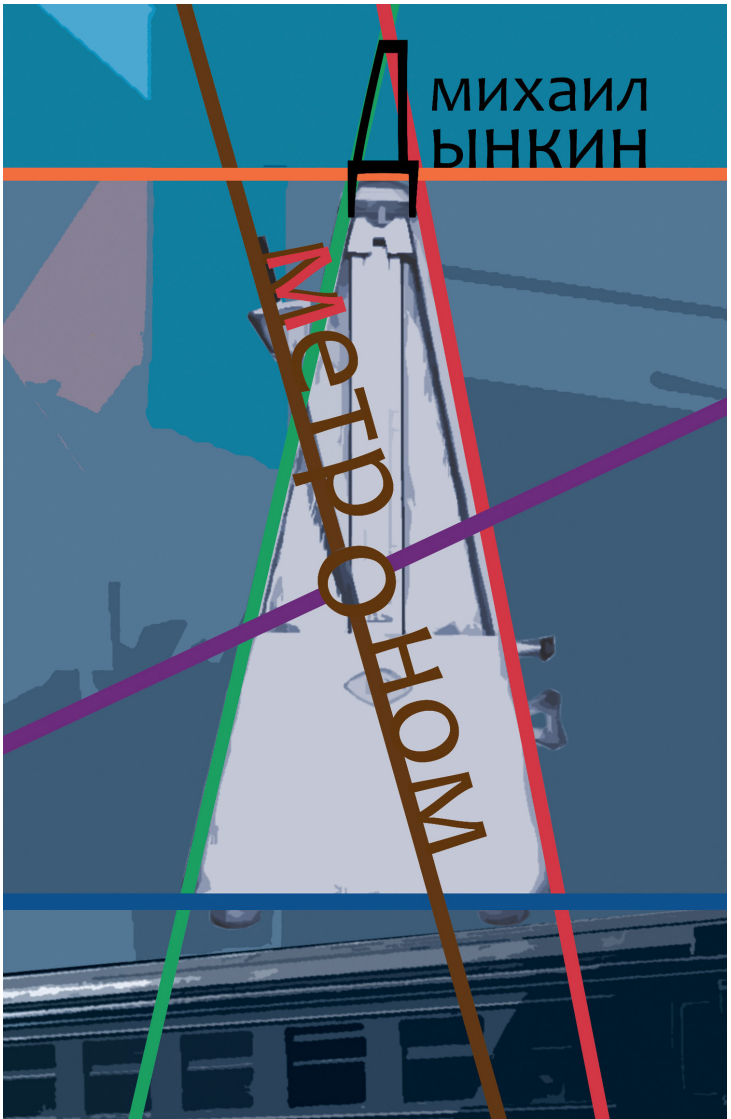

михаил
ЫНКИН

МЕТРОНОМ

Михаил Дынкин

Метроном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60244387

Метроном: Водолей; Москва; 2018

ISBN 978-5-91763-410-4

Аннотация

Михаил Дынкин родился в 1966 году в Ленинграде. Ныне живёт в городе Ашдод (Израиль); работает картографом. Публиковался в «Знамени», «Зарубежных записках», «Волге» и других журналах. Новая (третья по счёту) книга М. Дынкина создана по принципу ветвящейся Вселенной. Открыв «Метроном», читатель превращается в путешественника по причудливым параллельным мирам, созданным фантазией автора.

Содержание

«Пока среди бездействующих лиц...»	6
Серая линия	8
Щегол	8
«Видишь, в небе рдеет огонёк...»	10
«Сэнсэй сидит в тени цветущей сливы...»	11
Мотылёк	13
Снежинка	14
«А всего-то и есть, что серебряный зимний денёк...»	15
«Елисей видит сон: злые люди везут Елисея...»	16
«Марина вьёт из Мориса верёвку...»	17
Марина	18
«Я в мальчике провижу старика...»	20
«– Не хотел появляться на свет, так...»	21
Старик	23
Старик-2	24
Мойра	26
«Фрагмент лица. Руки обломок пыльный...»	27
«Ещё хотелось крепких женских ног...»	29
«Там здание стояло буквой «П»...»	31
«Вот я иду, а где-то ты идёшь...»	32
Камень	33

Лев	35
«Иосиф и его братья...»	38
«За стеклянной стеной лишь другие...»	40
«видишь, небо мертво...»	41
Жёлтая линия	43
Поклонение волхвов	43
Патриархи	45
«Шли они по воде, но не на плотах, как эти...»	48
Тёмные фокусы	49
Новый год	52
Новый год-2	53
«Снег начинает падать не раньше, чем ты...»	54
«После Нового года у них продолжается старый...»	55
Отражения	56
«Я забыл, к чему снится янтарный буйвол...»	57
«Ты смотришь, как бабочки замертво падают на пол...»	58
«На первом канале, в прямом эфире...»	59
«Развернувшись, пуля летит в материнский ствол...»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Дынкин

Метроном

© М. Дынкин, 2018

© О. Сетринд, оформление, 2018

© Издательство «Водолей», 2018

«Пока среди бездействующих лиц...»

*Пока среди бездействующих лиц
протагонист слоняется без дела,
вдовец-писатель едет в Биарриц
с любовницей, ши-тицу и старой девой
из Англии, прижившейся в семье.
Она карикатурно некрасива
и вообще немного не в себе,
но кто присмотрит за балбесом сыном?
Насаженный на вертел из лучей,
вдовец-писатель пьёт свой капучино
и открывает Барта, чтоб прочесть
известие о собственной кончине.
Он покупает сыну эскимо
или бросает мячик собачонке;
с любовницы снимает кимоно,
строчит в блокноте почерком нечётким,
наполовину вписанный в пейзаж,
который превращается в картину.
И думает, что сам он персонаж,
но как сказать любовнице и сыну
об этом? Изменившийся в лице
он навсегда сбивается с маршрута
и видит только женщину в чепце,*

похожую на Барта почему-то.

Серая линия Камень

Щегол

Тополиным огнём отороченный,
просыпается город Петра.
За ворованным воздухом очередь
занимают поэты с утра.
Слитный гул муравейника в школах, и
в классных комнатах, будто во сне,
копошатся статисты и олухи,
арлекины и прочие все.
С бодуна ли училка-конвойная,
перекличку затеяв, чтоб ей,
объявляет: сегодня – контрольная?
Благодарствуем, лучше убей.
Уравнения с их неизвестными
ненавидящий всею душой,
ты решения сдать не побрезгуешь
у отличницы Нади Большой.
И когда за широкими окнами
светотени развяжут мешок
жухлых листьев – оранжевый с охрою,

ты закончишь свой первый стишок.
Восемь строчек, сплошная эротика.
(Сколько наглости было в щенке!)
Станет Надя краснее смородины
и ударит тебя по щеке.

«Видишь, в небе рдеет огонёк...»

Видишь, в небе рдеет огонёк?
Там летит железный мотылёк;
может быть, заходит на посадку.

У соседей музыка вприсядку:
славный, верно, выдался денёк.

Засыхает дикий виноград.
Фонари проснулись и горят,
обхватили головы руками.

Развалюха движется рывками
мимо покосившихся оград.

Ты права, но ты и не права.
Всё, что было, сплыло на раз-два.
Говорят, вначале было Слово.

Просто слово, ничего такого:
сигарета, музыка, трава.

«Сэнсэй сидит в тени цветущей сливы...»

«Сэнсэй сидит в тени цветущей сливы.

Его лицо не кажется счастливым,
точнее, на сэнсэе нет лица.

Поддерживая сломанную руку,
он предаётся мыслям о сэппуку,
как будто пьёт из черепа отца
фамильное достоинство... И всё же,
как ни крути, сэнсэй уже не может
рассчитывать на собственные си...

Ничком в траву. Лежит, недосыгаем.

И вот к нему подходят асигару
и хмурятся, поклявшись отомстить.

Три года им бродяжничать, таиться,
сжимать кольцо вокруг семьи убийцы,
свиваясь наподобие вьюнка.

Не будет ни промашки, ни поблажки —
они играют в облавные шашки
неторопливо, но наверняка...»

Ты тащишься в автобусе на службу.

Японский бог, кому всё это нужно?

Слова, слова, слова, слова, слова.

Ну что ж... Умри в тени цветущей сливы,

пускай воображаемой, но зримой
настолько, что дымится голова.

Мотылёк

Мотылёк, залетевший в квартиру,
в лёгкой панике чертит круги.
Под сияющей лампой в гостиной
начинает своё «помоги».
Помоги, мои лапки не гнутся.
Голова моя кружится. SOS!
А под лампой сидят и смеются,
вытирают дорожки из слёз.
Будто сами в окошко влетели
по оплошности страшной.
Смотри,
как над ними смыкаются тени,
как у них холодеет внутри.
Встал один, и другой потянулся.
Разошлись – не друзья, не враги...
Слышишь, души на ниточках пульса
начинают своё «помоги»?
Помоги, ибо всё, что осталось —
нестерпимое жженье в спине.
Мы продержимся самую малость
и прижмёмся к последней стене.

Снежинка

Внутри снежинки, если присмотреться,
тоскует человечек меловой.

Его микроскопическое сердце
сжимается в предчувствии того
мгновения, в котором всё растает:
снежинка, жизнь, Вселенная...

Никто

с тем человечком цацкаться не станет,
пока снежинка гаснет на пальто —
такая же, как миллионы прочих;
в тех человечки, а в иных — зверьки.

«Прости, дружок, прощай, спокойной ночи...» —
бормочут на ходу снеговики.

«А всего-то и есть, что серебряный зимний денёк...»

А всего-то и есть, что серебряный зимний денёк.
Ни прилечь, ни присесть, потому что вокруг Рагнарёк.

Остаётся идти днём с огнём в непослушной руке.
Остаётся найти человека в сплошном Рагнарёке.

Люди ходят на двух. Дух летит, не касаясь земли.
Человек или дух, ты дрожишь под напором зимы.

И проходишь сквозь снег, существо-антипод или пшик.
В кулаке оберег, а фонарик украл снеговик.

В животе холодок, остывают в глазах угольки.
И стоит городок над замёрзшею змейкой реки;

сувенирный такой: бакалея, церквушка, ларёк.
Помаша им рукой, выпей чаю в кафе «Рагнарёк».

«Елисей видит сон: злые люди везут Елисея...»

Елисей видит сон: злые люди везут Елисея по осенней тайге, за которой иная тайга. Там живёт рыба-скит – сухопутная рыба – под серым непрерывным дождём и, нахохлившись, бродят стога,

навещают друг друга, сбиваются в стаи пингвины... Бьёт хвостом рыба-скит по растёкшейся тусклой воде. А внутри у неё Просветлённые лепят из глины чёрных бабочек Чжоу, летящих во сне и во тьме.

Злые люди кричат: «Вылезай, Елисей, из повозки! Это гиблое место придётся тебе по душе». Он откроет глаза и упрётся коленями в доски, станет мокрой травой, чёрной бабочкой в сером дожде.

«Марина вьёт из Мориса верёвки...»

Марина вьёт из Мориса верёвки,
затягивает Мориса в узлы.
Её глаза – две жуткие воронки,
а меж зубов – раздвоенный язык.
Она его не держит за зубами.
И Мориса не держит: скатертью
дорога... До чего же он забавен —
стоит на месте, говоря: «Адюю».
Прносятся стремительные птицы
с кровавыми ошмётками в когтях.
Лежит в засаде хищник тигролицый,
отец изголодавшихся котят.
Деревья наклоняются к беседкам.
Кромсает тучу серебристый нож.
Куда ни ткнишь – натянута сетка;
не перепрыгнешь и не разорвёшь.
Поэтому, а может, по-другому,
так или эдак, эдак или так...
Купил у старой ведьмы мандрагору,
да позабыл, что делать с ней, простак.
Стоит теперь, болванчиком кивает,
адюкает, а с места ни ногой.
Марина ничего не забывает.
Марина убивает, дорогой.

Марина

Марина курит, стоя у окна.
Марина или, может быть, Ока
впадает в шум гостиничный, сшибая
столы и стулья,
синими шипами
пронзая коридорного, пока
я думаю – ни слова о Мари...
Спасаются наружу комары.
Вздыхают липы.
И почтовый голубь
несёт письмо в потусторонний город,
съезжающий с Кудыкиной горы.
Там, воротясь со службы, имярек
конверт разрежет и увидит снег,
сирень в цвету и дуло пистолета,
нащупавшее ямку у виска,
поскольку не Марина, а тоска
стоит в снегу и пишет это лето.
И будет адресат ревнив и жёлт
лицом, но, вероятно, не нажмёт
он на собачку – станет жать на жалость,
чтоб у Марины челюсти разжались,
и лёд январский превратился в мёд.

Тогда-то на сетчатке двойника

и заискрится женщина-Ока.

И полдень, заполняющий каюту,
уйдёт на дно, в последнюю минуту
метнув окурок в красный бок буйка.

«Я в мальчике провижу старика...»

Я в мальчике провижу старика.
Внутри него зелёная река,
чьи водоросли, склизки и мохнаты,
похожи на пытливые канаты,
обвившие купальщикам бока.

Сквозь бреши в небе прибывает мрак.
Не бойся, мальчик, я тебе не враг,
но и не друг – давай за это выпьем.
(Грифон грифону третий глаз не выключай
в чужих полузатопленных мирах.)

Распад и Лету, берег, ставший дном —
я вижу это не в тебе одном,
как будто устье сходится с истоком
и волны разворачивают дом
то к западу фасадом, то к востоку.

«– Не хотел появляться на свет, так...»

– Не хотел появляться на свет, так
и не спрашивал вроде никто.

Но запомнил кленовую ветку,
майский вечер и вопли котов.

Как несли на руках в коммуналку,
а позднее вели в первый класс.

Собирали с товарищем марки,
он калекой вернулся как раз
из Афгана, но это спустя лет
десять что ли (точней не могу).

Дальше тянется то, что не тянет
вспоминать. Понимаешь?

– Угу.

Понимаю.

– Женьтьба и служба.

Недомолвки. Скандалы. Развод...

Сам не знаю, кому это нужно.

– Никому, – говорит и берёт
сигарету.

– А кто говорит-то?

– Человек без особых примет.

Сядет рядом и тут же сторит он
или, может быть, скажет:

– Привет!

Ты бы это... Начнём всё сначала, —
усмехнётся, поправит парик...

И увижу: за чашкою чая
сам с собою толкует старик.

Привалился спиной к батарее,
дочку с зятем имея в виду;
привели его в дом престарелых,
а сказали, что в школу ведут.

Старик

схоронил трёх жён теперь уже не ходок
делит квартиру с призраками и кошкой

и соседи слева зовут его «кабысдох»
а соседи справа «зомби» и «старикашкой»

призраки оживляются по ночам
щёлкают пальцами пахнут тоской и потом

а потом наступает утро и огненная печать
заверяет действительность или что там

он поднимает к небу слезящиеся глаза
и немедленно забывает зачем их поднял

у него на щеке зелёная стрекоза
а на подбородке вчерашний полдник

он вышел за хлебом упал на газон и спит
и снится ему как у окна в гостиной

пыльное кресло качается и скрипит
покрываясь сизою паутиной

Старик-2

После 60-ти стал замечать,
что смерть уже близко;
и пахнет она чем-то женским – левкоями ли, пачулями.
И на всём печать какая-то неразличимая.
И птицы летят низко.
Еле-еле звучат.

– Закрой окно, холодно, – жене говорит он.
Сам сидит на стуле, чем не конная статуя?
И лунный свет омывает профиль его небритый,
в шарики ртути скатываясь.

В 65 совершил экскурсию в Шибальбу.
Вышел из комы и затаил обиду.
Там, под землёю, нет вакантного гида —
слишком много туристов к разрушенным пирамидам,
а его... видали в гробу.

Впрочем, трудно сказать, так ли оно на деле,
если ты действительно кончился
и астральному телу некуда возвращаться.
Вот он смотрит в зеркало, а из зеркала смотрит демон —
весь в пигментных пятнах, перекошенный, исключенный,
дышащий часто-часто.

И нет никого, кто бы его утешил:
жена ушла годом раньше,
сын живёт за границей...

А птицы кричат всё тише,
но вид у них шибко страшный.
И это уже не птицы.

Мойра

Мир был прозрачен, призрачен, непрочен.
А мы лежали рядышком, что прочерк,
два прочерка в постели и графе
«Любовь», поскольку дело не в любви, но
я просыпался лишь наполовину,
а ты сидела в маленьком кафе
в своём воображении, пила там
двойной эспрессо, плитку шоколада
вертела в длинных пальцах. Я же шёл
под душ – не знаю только, наяву ли —
стереть с лица улыбочку кривую,
использовав стиральный порошок
по назначению, так сказать, прямому...
Мы жили в доме с видами на Мойру:
вот ножницы, а вот она сама,
склоняясь над трепещущей нитью,
бормочет по привычке «извините»,
«приятных снов» и прочие слова.
Мы смотрим на неё без интереса.
И наши жизни, что двойной эспрессо;
грохочущий экспресс из пункта Икс
в мерцающую точку невозврата,
огнём сверхновой бывшею когда-то.
И дольше века длится этот микс.

«Фрагмент лица. Руки обломок пыльный...»

Фрагмент лица. Руки обломок пыльный.
Здесь статуя стояла в водевильной
нелепой позе. Здесь снимали фильм
из чьей-то жизни – трудной и короткой.
И ставили его на перемотку.
И выходили в не прямой эфир.

Фарфоровые куклы на комодах.
Какие-то укурки в эпизодах.
Игра актёров – так себе игра.
Шестнадцать серий втиснув в два сезона,
создатели молчат не без резона,
поскольку дальше – чёрная дыра.

Ты всё забыл, покуда дул на кофе.
Тебя здесь нет. Швыряет в реку профи
свой пистолет. И мелом обведён
лишь силуэт отсутствия кого-то.
И детектива мучает икота.
И он идёт к машине под дождём.

Тебя здесь нет, но в двадцать пятом кадре
подействует (что вообще-то вряд ли),

едва над ямой вырастет семья,
таблетка от мигрени ли, сирени,
от версий, что ещё не просмотрели,
от нестыковок, от чужого «я».

«Ещё хотелось крепких женских ног...»

Ещё хотелось крепких женских ног —
погладить и почувствовать: живые.
Свой собственный укромный уголок
в саду ещё и чтобы дождевые
над садом проплывали облака.
А женщины... Так есть сестра и мама,
и этого тебе наверняка
хватило бы для вводных глав романа.
Сначала он по-бунински тягуч,
потом по-пастернаковски порывист.
Ты запираешь комнату на ключ,
чтоб мать с сестрой в вещах твоих не рылись.
Идёшь к подруге, пьёшь дрянной портвейн.
И вот оно случается, и снова
случается, но выставлен за дверь,
ты зол и бледен. И тебе все сорок.
А если присмотреться – шестьдесят,
что раздражает молодого босса.
И на тебе как будто бы висят
долги и внуки, только первых больше...
На старой даче сад шумит листвою
и вспыхивают блики на малине.
А ты сто лет не виделся с сестрой —

с тех самых пор, как мать похоронили.

«Там здание стояло буквой «П»...»

Там здание стояло буквой «П»,
тяжеловесно и подслеповато,
с квартирами, подобными купе,
в которых от зарплаты до зарплаты
под стук колёс, и сердца, и т. п.

Налево – цирк, направо – лесопарк
в грибном дожде ли, гробовом молчанье...
Там ты и рос – не хиппи и не панк,
они тебя вообще не замечали;
и если честно, хорошо, что так.

Направо – сквер, налево – гаражи
(не уследишь за памятью фальшивой).
Просил на вынос калорийной лжи
о чём-то большем, но не разрешили.
Да и зачем оно тебе, скажи.

«Вот я иду, а где-то ты идёшь...»

Вот я иду, а где-то ты идёшь,
как ранний Бродский или поздний дождь,
к облупленной скамейке, на которой
горазд старик, похожий на шута,
втолковывать, что всё есть суета.
А мы как будто слушаем и тонем
в сосудах сообщающихся ям,
воздушных, с воробьями по краям.
Я – духовидец, ты – канатоходец.
Там, наверху, живёт смешной народец,
переводящий с дактиля на ямб
любую (представляешь?) чепуху.
Никто не знает, что там наверху,
хотя путеводителей подробных
не счесть, что вообще-то не удобно;
точней, преумножает чепуху
(et cetera). Вложи сюда какой
захочешь смысл.
Начав за упокой,
смиряются, не просят хэппи-энда.
Я затаюсь, а ты дождись момента
подать мне знак бегущею строкой:

«Экклезиаст-соломинка-омерта».

Камень

Действительно, свечи каштанов
похожи на свечи, дружок.
И вечер, как очи шайтанов,
предательски ярок и жёлт.

А всё, что пыталось случиться,
вплывает в оконный проём.
И пеплом Клааса стучится
в двухкамерном сердце твоём.

И плачет оно, и трепещет,
и будто бы ходит внутри.
Сдавай на хранение вещи
и камеры плотно запри.

Запри, чтоб не вырвался вирус,
стремительный вирус стыда.
И ключик захватанный выбрось.
И не обольщайся, когда

придут бутафоры метафор
и вылепят ловкий пейзаж:
клубящийся облачный табор,
каштаны, сносящие баш...

На Осипа бледной эмали,
под музыку в Летнем саду,
поймают тебя, как поймали
философа Сковороду,

нащупав пульсацию камер,
чтоб хлынуть в ближайшую щель...
Так пой же не дерево – камень,
а лучше не пой вообще.

Лев

1

Когда падёт ерусалимский лев,
исполосован римскими орлами,
и ты получишь волчий свой билет
и станешь чем-то вроде быстрой лани,
бегущей в гетто; ни тебе клыков,
ни яда, ни изогнутых когтей, лишь
клубящаяся Тора облаков,
которую как мягко ни постелешь —
наутро просыпаться в синяках,
но сам же знаешь, и в такое утро
лев на востоке вспыхивает, будто
до времени витает в облаках.

2

Вот летит на цапле святой хасид.
А на нём горит золотой талит.
А сама та цапля как снег бела.

И бежит по улицам детвора.
Все кричат: смотрите, летит хасид!
Зажигают свечи, пришёл шаббат.
А в вечернем небе звонарь стоит
и со всею силою бьёт в набат.
Как хорош он, Господи, твой народ,
озарённый огненной Шехиной,
под цветущим деревом Сефирот
то живой, то мёртвый он, то живой.

3

Где-то на Воляни петух закричит на идиш,
что пора вставать, и потянется в ешиву
длинный ряд теней, только ты ничего не видишь,
потому что время давно расплзлось по шву.
И прорехи в нём залатать петушиным криком
невозможно, сказал бы рабби, не будь он мёртв.
И несёт в кувшине радужный призрак Ривки
молоко и мёд.
Жизнь ещё кипит в большом самоваре смерти.
И сквозь потолок уносится в небо «Шма».
И приходят люди, в которых страдает Вертер.
А дыра в затылке тем ведь и хороша,
что теряешь трупы близких своих из виду.
Ров завален с верхом, листья кружат над ним...

Но чем ближе к югу траурный клин хасидов,
тем неотвратимей синий Ерусалим.

«Иосиф и его братья...»

Иосиф и его братья,
сёстры его и жёны.
Дети его вне брака
в домах из жжёного
кирпича, ракушечника и дерева.
Иосиф и его демоны;
один – большой, зеленоватый, внутренний,
а второй поменьше, похож на нутрию,
заплывающую в сны Иосифа по весне.
Иосиф и его смех,
плач, шёпот его, палач невидимый.
Иосиф и его ланч с Овидием;
вечер у Клэр,
рандеву с Ягодой.
Иосиф в укусах своих химер
в Аиде врагов народа.
Внутренний демон когтями острыми
рвёт ему плечи, коленкою бьёт под дых.
Где вы, братья мои и сёстры?
– В газовых душевых.

Он проснётся с криком. И, рядом сидя,
фараон его спросит: «Сын
мой возлюбленный, что ты такое видел?»
И Иосиф ответит: «Сны».

«За стеклянной стеной лишь другие...»

За стеклянной стеной лишь другие стеклянные стены,
говорил мне Учитель, имея при этом в виду...

Ничего не имея; его узловатое тело

всё покрылось листвою в каком-то дремучем году.

Был ли старец даосом, халдеем, египетским магом,
я теперь и не вспомню, но кто же тогда говорит:

за стеклянной стеною – треножники вышек Гулага,
душевые Дахау, вошёл и навеки размыт.

Здесь бессильны слова, потому что они бесполезны.

Здесь и нимбы святых полыхают кровавым огнём.

Здесь я умер давно, заразился посмертной болезнью
и очнулся, проглочен большим деревянным конём.

Закричат петухи, неприятели в город ввезут нас,
и откроются двери в крутом деревянном боку...

За стеклянной стеной не осталось ни блика, ни звука,
только пиршество трав, но зелёный к лицу старику.

«ВИДИШЬ, НЕБО МЕРТВО...»

видишь, небо мертво
лишь январь с ледяною заточкой
пробежит по нему, рассыпая слепящие точки
всё утонет в зиме
и себя вне себя забывая
оставайтесь в земле —
шепчет мёртвым тоска мировая

оставайтесь в земле
что поделаешь, вас обманули
не младенца обмыли, а старца в снега завернули
вам к лицу этот саван, такой серебристый, хрустящий
на январском лугу, под копытами тройки летящей

то не тройка коней, а расстрельная тройка, да только
вас уже не достать, оттого и не страшно нисколько
в мерзлоте этой вечной, не зная забот о ночлеге
вы плывёте по встречной в сколоченном наспех ковчеге

заблудившийся свет
мотыльковые смерчи
катарсис
перевод на иврит
перевод на английский, китайский
похитители тел забирают своё

И СВИСТИТ ИМ

Вслед метель-не-метель, распаясь во тьме на субтитры

Жёлтая линия Янтарный буйвол

Поклонение волхвов

Когда снег накрыл Хермонскую гору,
появились волхвы с дарами.
Первый волхв принёс мандрагору,
а второй – портрет в золочёной раме.
На портрете двигался некто в чёрном,
в бутафорских крыльях и с жёлтым глазом
меж бровей.
И в медленном танце пчёлы
колебались нимбом над ним.
И вязы
осеняли слева его и справа.
А на дальнем плане ключи звенели...

Третий волхв меж тем контрабандной праной
окроплял лежащего в колыбели.

Было утро. Кажется, было утро.
Время концентрическими кругами
по воде дождя разошлось и будто

ощутило впадину под ногами.

Там, над тельцем плачущего младенца,
зажимая уши, склонялись трое.

И навстречу каждому, метя в сердце,
всё тянулось щупальце золотое.

Патриархи

1

Авраам заносит руку с ножом, и Тетра —
грамматон отводит руку его. И словно
с четырёх сторон дуют четыре ветра,
и под крик ворон свет проникает в сон мой.
Там дрожащий отрок на каменистом ложе
смотрит на отца и видит то нимб убийцы,
то клыки святого, что часто одно и то же,
даже если оно двоится.

Я кричу во сне – это, на грудь мне Парка
сев, когтями рвёт плоть мою, а под плотью
сквозь замёрзший сад осени патриарха
с золотой трубой ангел летит Господень.

2

Старый Ицхак выводит ручного голема
на поводке, расписанном гексаграммами.
Старый Ицхак и голем идут по городу,

город переливается всеми гранями.
Джинны горят на площади подле ратуши;
надо бы погасить, потому как утро же.
Старый Ицхак семиполосной радугой
бровь выгибает – это ни с чем не спутаешь...
Ривка готовит завтрак. Вернётся с прогулки муж и вот
всё на столе, ешь, дорогой, и радуйся.
Хлебцы хрустят, вьётся дымок над кружками.
Благослови, Господи, нашу трапезу!

3

Иаков зовёт Рахиль, а приходит Лия
(может быть, и Лилит, но Иаков о том не знает).
В серых его глазах будто багровый ливень
ходит, трубя в шофар, мечется, нарезая
сумрачные круги, змий-искуситель в каждом.
Лия глядит в трюмо, видит лицо Рахили.
Дева ты или бес, старец горит от жажды:
«Дай увлажнить тобой губы мои сухие!»
Бьются они впотьмах, ангел над ними реет;
в профиль он что Рахиль, но анфас что Лия.
Иаков зовёт Лилит, а приходит время
смерти его, хвост распутив павлиний.

Иосиф стоит в снегу, но откуда здесь взяться снегу?
И жена фараона следит за ним из окна.
Как же её влечёт к этому человеку!
Чем же ей оправдаться? В чём тут её вина?
Иосиф стоит в снегу, в яблонево́й метели.
Что это за страна? Как он сюда попал?
Женщина входит в сад. Женщина ждёт в постели.
Сердце её поёт. Тело её – напалм.
Ляжешь и не с такой, лишь бы скорей убраться...
Вот он стучится в дверь, руки его в крови.
Лязгнет дверной засов и побледнеют братья:
Бык, Скорпион, Стрелец,
Симон, Звулун, Леви...

«Шли они по воде, но не на плотах, как эти...»

«Шли они по воде, но не на плотах, как эти,
а на своих двоих, как только они и могут.
И первыми шли старики и дети,
а последними силачи с паланкином Бога.
И был паланкин тот пуст, но давил такую
тяжестью, что казалось, Сам восседает в нём.
И были в их ВВС летающие драконы
и серафимы, стреляющие огнём.
Над шествием развевались штандарты света.
Ни вождь, ни первосвященник не помнили, в чём их
цель.
И если что оставалось, так это вектор,
движения, общий контур его в Творце».

Обычно на этом месте он замолкает.
И слушатели кричат ему: «Ересь!»
Или
возмущённо двигая кадыками,
растворяются в поднимаемой ветром пыли.

Тёмные фокусы

1

Приоткроешь дверцу в моей груди
и увидишь: зеркало, шкаф, стена.
На высоком стуле старик сидит,
смотрит с удивлением на тебя.
Он сидит и курит большой косяк,
поднимает смутные паруса.
На полу, ворочаясь так и сяк,
тень его часами лежит без сна.
Стул плывет по воздуху, воздух сер.
На комодe – слоники-шатуны.
А в окне распахнутом виден сквер.
А над сквером – крапчатый шар луны...
Ты прикрыл бы дверцу-то от греха —
голова закружится и кранты:
превратишься в ветхого старика,
пленника покинутой комнаты.

2

Фокусник открывает багровый рот,
и изо рта его тянется серпантин
изумрудных змей. И миниатюрный рог
венчает их королеву. И снег летит,
расставляя точки над вереницей «и».
Фокусник проводит рукой по лбу,
и над эстрадой вспыхивают огни,
а меж рядами кресел растёт бамбук.
Миг – и зайдется в хохоте старый лис,
глядя как содрогаясь, молясь, крича,
зрители умирают, в буквальном смысле —
ле сражены ловкостью трюкача.

3

Перед тем как лечь, Чарльз выходит на задний двор,
на передний план, на последний участок сна.
И тогда над ним нависает угрюмый дом,
на кривом крыльце – красная полоса.
И в одном окне виден сосновый бор,
а в другом окне – фабричной трубы цилиндр.
То ли это бред, то ли программный сбой;

то ли автор врёт, но кто его исцелит?
Он и сам не рад, что на сцену выходит Чарльз,
что огонь во рту и дрожь не унять в руках,
что один из них, верно, умрёт сейчас,
но какой из двух, и почему, и как?
Замолчи, прошу, рану не бери!
Не смотри назад, можешь лишиться сна.
Там всё тот же дом с окнами на груди.
На кривом крыльце – красная полоса.

Новый год

Сперва из текста выпадает снег,
а вслед за ним – герой и героиня.
Всё это происходит не во сне —
они как раз о смерти говорили
в шестой главе, и на тебе – летят;
вокруг – снежинки, ангелы и галки...
И дикторша в вечерних новостях
тот самый текст читает из-под палки.
Она доходит до шестой главы.
А студия тем временем пустеет,
хотя по ней расхаживают львы,
застав киномехаников в постелях;
читай «врасплох» и сразу отвернись,
ведь ты же не выносишь вида крови...
В студийных окнах только тёмный низ
ночных небес и кадры старых хроник:
отец народов на трибуне ли,
лиловый негр, линчующий толпою;
пришельцы на другом конце Земли,
идушие на этот за тобою.
Они спешат, их душит нервный смех,
в их сумках – новогодние подарки.
А с неба продолжает падать снег,
протагонисты, ангелы и галки.

Новый год-2

Уже зажигаются лампы голов
на всех площадях городских.
И зимнее небо – разваренный плов,
посыпанный перцем тоски —
становится ближе, как этот поёт:
две буквы, последняя – «Г».
И словно на лыжах, скользит самолёт
в густой новогодней пурге.
И в том самолёте сидит пассажир,
и кажется, даже живой.
Считает воздушные он этажи,
соседку считает женой.
И пусть эта фифа ему не чета —
накрасила рот и молчит,
но кто-то же должен платить по счетам
за тех, кого не приручил.
А город внизу уменьшается всё;
глазами похлопал и лёг.
И только в эфире, забитом попсой,
горит голубой огонёк...
Астральный трансформер вздымает Ковши.
И, рухнув на Землю с небес,
волхвы вспоминают, куда они шли
и кто их кураторы здесь.

«Снег начинает падать не раньше, чем ты...»

Снег начинает падать не раньше, чем ты
грузно садишься в кресло и замерзаешь.
Время несогласованно и плачевно,
если смотреть на вещи его глазами.
Всё налицо: неровности, швы, пометки.
Люди вообще скомканы и приплюснуты.
Над головой проносятся вихри кварков,
а под ногами лопаются моллюски...
Стены покрыты инеем и сквозь них ты
видишь дворы в неверном, коварном свете.
Спину шоссе перебегают пихты.
В дальнем окне пляшет линялый свитер.
Прямо под ним – окаменевший мамонт.
И дикари кухонными ножами
режут его и впопыхах ломают
лезвия.
И когда, раздувая жабры,
за гаражом, по крышу ушедшим в землю,
штопором входит в воздух косяк салаки,
время становится чем-то совсем музейным:
мумией, ископаемым, рощей статуй.

«После Нового года у них продолжается старый...»

После Нового года у них продолжается старый.
Снега нет. Ветра нет. День похож на футляр от гитары;
он слегка залоснился и замер в медвежьем углу.
Персонажи скучают. А что им ещё остаётся?
Головами качают. Включают подсветку эмоций.
Диалог состоит из «ага», «огого» и «угу».

Огого – это «сильно». Ага и угу – «как обычно».
Чёрно-белая фильма: субтитры, цензура, кавычки.
Это Мёбиус с лентой зашёл погостить и отжёл.
Персонажи, вставая, роняют слова и запчасти.
И под треск киноплёнки дрожат на клеёнке две чашки.
И под каждой из них образуется липкий кружок.

Начинается снег. Дышит в спину разбуженный ветер.
По экрану ползёт что-то среднее между медведем
и бастардом гориллы... Дублёр, задушив двойника,
говорит в микрофон о превратностях киноискусства.
После Нового года у них обостряются чувства,
но дождавшись финала, мы видим одни облака.

Отражения

Зеркало смотрит в зеркало. В каждом из них стоит
некий субъект, лет 50 на вид,
может, и 90, черты-то стёрты.
Есть вероятность – юноша он ещё.
Зеркало смотрит в зеркало, всё течёт.
Трудно сказать, кто тут живой, кто мёртвый.

В сдвоенных отражениях, в дублях дней
город в своём скольжении всё бледней,
и сквозь него проступает такое нечто —
впору бежать и прятаться, ибо скатившись за,
не убережешь сознание и глаза,
ежели ты нуждаешься в них, конечно.

Зеркало смотрит в зеркало, сделав скрин —
шот оплетающей всякий предмет тоски,
жажды чего-то большего или даже
меньшего, чем дано тебе, а дано:
зеркало смотрит в зеркало, видит дно
чёрной дыры в отверстой груди пейзажа.

«Я забыл, к чему снится янтарный буйвол...»

Я забыл, к чему снится янтарный буйвол.
Он лежит во тьме на стёганом одеяле.
И могучий бес в пепельных крыльях бури
голубые кольца в ноздри его вдевает.

Ведьмы плетут венки и нанизывают на рога его.
Если ты не евнух, любая раздвинет ноги.
«Практикующий магию практикует и полигамию», —
смотрим книгу Еноха.

Ты, конечно, можешь бежать, но я тебе не советую,
ведь куда бы ты ни бежал, все дороги ведут к гибели:
мы едим своих стариков, чтобы ночь оставалась светлой,
те закалывают детей, чтоб дожди наконец-то выпали.

Покажи язык из погребальной урны.
Что за дело им, как ты здесь оказался?
Вспоминай же – У Лао-цзы был янтарный буйвол
(для профанов – чёрный, в апокрифах пишут: красный).

«Ты смотришь, как бабочки замертво падают на пол...»

Ты смотришь, как бабочки замертво падают на пол.
Ты слышишь оркестр: он играет то Баха, то Франка.
Выходишь из комнаты и на негнущихся лапах
идёшь параллельно покрытому саваном парку.

В передних конечностях – тельце зверька. И, вгрызаясь
в дрожащую плоть, ты опять перепачкался красным...
Разводят костры существа с ледяными глазами
у смутных порталов, на площади круглой и грязной.

Ты силишься вспомнить, откуда всё это взялось, и
летишь без страховки в какие-то чёрные дыры,
где в кожаных креслах сидят здоровенные лоси,
сидят и хохочут, что старые, что молодые.

На их мониторах ты словно вращаешься в танце,
становишься вихрем, несёшься сквозь эры ли, яти,
сперва искривляя, потом распрямляя пространство,
пока не проснёшься, что бабушка надвое, кстати.

«На первом канале, в прямом эфире...»

На первом канале, в прямом эфире
Бог говорит, что Бога не существует.
Кто же тогда снимает эти смешные фильмы,
где плохие парни тупо сидят на стульях,
на глазах у зрителя хорошея?
Вот они поднимаются, покидают бар, но
наливаются кровью их бычьей шеи,
и все вспоминают, что это плохие парни.
Положительные герои не дремлют тоже.
Начинается перебранка и перестрелка.
Если хочешь спать, пуля тебя уложит...
Между тем на город нацеливаются тарелки
инопланетян, похожих на что-то вроде
абрикосового желе с сиреневыми глазами.
Ты идёшь на кухню. Рухнув, лежишь в проходе.
Изо рта с шипением выползают
титры – это что ещё за сюрпризы?
Бог раскрывает зонт, говорит, всё идёт по плану.
Срочно звони любовнице, делай визы.
На ковчег позволено только парам.

«Развернувшись, пуля летит в материнский ствол...»

Развернувшись, пуля летит в материнский ствол.
Человек открывает глаза, закрывает рот.
Или наоборот.
Садится за шаткий стол...
И убийца выходит в двери спиной вперёд.
Человек, нареку его Немо, уйдёт и сам,
но не сразу, а где-то, может быть, через час.
Вот он мчится с предельной скоростью на вокзал.
Всё высматривает кого-то – судью, врача,
друга детства или ту женщину в голубом,
что опаздывает на поезд «Прости-прощай»?
Передёрнет она плечами – и вся любовь,
растекутся стальные волосы по плечам.
А потом (или было б правильной – «до того»?)
он закажет (а в прочих версиях – «заказал»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.